

Модель когнитивной дескрипции художественного дискурса

А. Н. Безруков
(Россия)

Resumen

El trabajo se centra en la identificación de los principales problemas del desarrollo de la ciencia cognitiva y la lingüística estructural. En el documento se propone modelo de análisis descriptivo del discurso literario, la capacidad de aplicar los datos al estilo de escritura individual de recepción, así como la práctica de la escritura literaria. La comprensión de la forma discurso de la generación de conocimiento, teniendo registros receptivo es nuevo aspecto de la obra. Metodología de la investigación principios básicos lenguaje dialógicas evaluación cognitiva. discurso de recepción en la corriente principal de la estratificación cognitiva permite esférica texto actual modelo de caja, y como resultado, forman el horizonte de la comprensión de la verdad de la señal.

Научные споры о языке конца XX – начала XXI века в большинстве своем выработали полипозиционную точку его оценки. Именно это дает повод исследователям вновь актуализировать анализ наличной языковой системы для обозначения процессуальной детерминации языка в различных ситуативных рамках с целью объективной дескрипции. Взаимозависимость языка и речи, языка и мышления, языка и стиля, языка и вариативных типов дискурса становится предметом специальных исследований в разных областях научных знаний – философия, культурология, семиотика, теории коммуникации, неориторика, теория информационных систем. Современная лингвистика стремится к поиску новых моделей оценки и анализа ставшей уже нарицательной практики дискурсивного письма, что фактурно отражается в наличном тексте, характеристике условий существования языка в целом. Наиболее точным, на наш взгляд, в условиях господства обще компилятивной научной методологии является когнитивный подход. Преимущество данного метода заключается в конкретизации гносеологических магистралей, участвующих в объективации как смысла наличного знака-текста, далее дискурса, так и декодировании объективной действительности, в которой контекстуально находится реципиент, ибо «анализ прагматического контекста является необходимым, но обычно недостаточным условием для прагматического понимания высказывания» (Дейк ван, 2000, с. 20). Немаловажно то, что «центральным смысловым звеном контекста является его феноменальное ядро (phenomenal context), отражающее онтологическую структуру общения и деятельности, доступную всем его участникам» (Макаров, 2003, с. 151). Следовательно, интерпретация языка в русле указанного подхода будет близка онтологической коррекции значения и установления множественности коннотаций, которые точно с подачи реципиента вбирает в себя дискурс. На наш взгляд, алгоритмы когнитивной дескрипции дискурса реверсивно вскрывают возможные пути декодирования сферического смыслового объема указанной структуры.

Язык как универсальная знаковая система не только отображает реальную действительность, он ее структурирует. Модель настоящего, помимо наличного

знака, слагается с помощью понятийных концептов, генеративно сближаемых в сознании говорящего в сферический, фреймовый формат знаний. «Дискурс оценивается не только в отношении истинности или ложности, но и в отношении к индивидуальным нормам и ценностям, то есть в отношении к существующим в данный момент у носителя языка взглядам» (Дейк ван, 2000, с. 94-95). Одновременно с этим в ситуации языкового контакта наличествует и принцип разложения, антиномии. «Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном. Аномалия... заставляет думать (творит мысль) и действовать (творит жизнь)» (Арутюнова, 1988, с. 300). Результатом операций мышления становится выработка единого мировоззренческого комплекса, т.н. авторской дискурсивной парадигмы. «Язык в такой ситуации может быть рассмотрен как создающий особые способы представления, особые языковые формы обобщения в мышлении и психике человека» (Кубрякова, 2004, с. 77). Бесспорно, дискурсивная парадигма окончательно незавершена, она стремится к бесконечности пределов, регулируется социально-исторической детерминацией, индивидуально-личностными приоритетами говорящего/слушающего. Модульно зафиксировать, фактически определить контуры языкового процесса получается только с помощью текстового стандарта номинаций. Элементом анализа в границах такой версии оценки дискурса становится ситуативно-верифицированный текст, потенциал которого коррелируется реципиентом. Но и текстовое множество образует связный потенциал знаков, в свою очередь наделенных как самостоятельными смыслами, так и смыслами контекстуальными. При таком условии аргументировано можно тезировать: дискурс есть процессуальная матрица. Она стремится как к фиксации знака в пределах контуров различных видов дискурсивных практик, частных, индивидуальных или обще-ситуативных, так и к трансформации значений, характерных для того или иного типа дискурса.

Особый вид имеет структура значения в художественном дискурсе. Ее системность складывается сцеплением комбинаций диаметральных смысловых точек в условиях трансформационных художественных диспозиций. Это и собственно сам знак-символ, и воплощенная в слове-знаке авторская мысль, и коннотативное множество, определяемое читателем, и даже онтологическое понимание-принятие реципиентом духа логоса. Под логосом в данном контексте понимается не столько произнесенное слово, сколько потенциал накопленных и продуцируемых значений. «Тематическое, стилистическое и структурное единство дискурса является его конститутивным признаком, который осознается в случае дезинтеграции текста» (Карасик, 2004, с. 202). На наш взгляд, целесообразно воспринимать художественный дискурс некоей кульминационной фазой конкретизации эстетической мысли, манерой изложения, маркером сознания, способом оценки действительного, того, что для автора, далее реципиента является аксиологически-верным, нормативно-правильным на том или ином историческом этапе развития.

Диалогичный по природе язык нуждается в особой форме реализации самого себя. Следовательно, ситуация диалога, что достаточно аргументировано, является свободно-динамичной и естественно-выверенной формой осознания и принятия процессуальности дискурса. Монологический стандарт как закрытый корпус не дает возможности преодолеть говорящему/пишущему границы речевой разверстки мысли, ее ситуативной коррекции. Монолог способен членить текст лишь на ряды фразовых конструкторов. В такой модели заметна будет статика

текста, но не его дискурсивный движущийся потенциал. Следовательно, художественный дискурс не способен существовать без связности как номинативных корпусных образований, что делается с подачи автора, так и без постоянной актуализации смысловых обертонов со стороны читателя.

Формирование художественного дискурса как особой системы эмпирики реальности происходит в корпусе архитектурных манифестаций индивидуального стиля писателя. Стиль традиционно понимается не способом оригинального типа мышления, но универсальным кодом. Такое восприятие, на наш взгляд, ограничивает читателя в интерпретативной процедуре, феноменологическом, рецептивном толковании языка, далее – текстового комплекса. Следовательно, стиль не только формальная сторона текста, хотя и «форма языка – есть систематическая структура» (Хомский, 2005, с. 50), но и особый вид генерализации дискурса. «Существует некий баланс между объемом языкового материала, который человек «держит в голове» в готовом виде, и объемом языкового материала, который он конструирует непосредственно в процессе порождения или понимания текста» (Скребцова, 2011, с. 128).

Читатель самоопределяется в многомерной сфере произведения-текста, подключается к дискурсу, становится соавтором эстетического продукта. «Звучание слова аккомодируется для каждого читателя избирательно. Находить *свой для себя* и будет итоговым актом прочтения текста, который доставляет удовольствие, позволяет предвидеть бесконечную перспективу (Безруков, 2015б, с. 48). Художественная реальность текста становится для субъекта речи полем совмещения и сближения полярных точек, взглядов, позиций, «несовпадение горизонтов и есть производная составляющая, регулирующая движение текста в наличной культурной атмосфере» (Безруков, 2015б, с. 18). Множественность их комбинаций раскрывает потенциальную бесконечность смысловой парадигмы. Следовательно, значимой позиционной точкой анализа дискурса не должен становиться финальный абрис его системы координат. Вероятно, должно быть обозначено более детальное определение его сферической области, которой, по сути, нет границ, как нет фактических пределов художественного сознания. Управление сознанием, систематизация форм и уровней – это лишь предзавершающие приемы, которые номинально конституируют язык. Интенция языка как системы опредмечивает имманентные варианты его разверстки, предлагает функциональный базис восприятия последнего. Таким образом, совокупность многочисленных знаковых отношений и рождает ткань текста, что по своей природе, на наш взгляд, не чуждо дискурсу. Спектральность связей, смещение уровня смысла в биполярную область коннотаций обретает иное бытие, близкое концепту. Следует отметить, что концепт есть «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» (Карасик, 2004, с. 91). Разверстка концепта в пространстве происходит под воздействием сознания и мышления реципиента, ряда процедур сопоставительного порядка, и, активнее, взаимовлиянием эмпирического, чувственного и гносеологического. Следовательно, утверждение двух и более смысловых интенций в дискурсе укрепляет положение, как текстовой плоскости, так и, в нашем случае, смысло-сферы. Преддискурсивные точки отсчета строго определяют мысль, сознание читателя или совокупность его репрезентаций, а также обозначают уровни дискурса и правила сосуществующих единичных эпистемологических практик.

Когнитивные стратегии анализа дискурса не дают возможности окончательно объективировать процесс формирования в нем смысла как первоначально, это задача перспективного научного решения. В данном же случае, можно предположить вероятностный уровневый состав дискурсивной практики в художественной коммуникации. Для этого необходимо ввести в терминологический оборот общенаучное понятие регистра. Под регистром понимается не столько текстовая фиксация дискурса в зависимости от ситуативного разрешения, сколько предел его функциональных возможностей. Частность определения наличных функций будет когнитивно мотивирована. Процессуально-функциональный состав дискурса помогает провести дистанцию между основными точками его формирования: знаковый корпус, номинация действий, определение коннотаций, диалогический вариант редупликации смысла, перспективный ход движения дискурса. Оценочными регистрами дискурсивной практики являются: интенция (направленность на какой-либо предмет), интеракция (процессуальный характер текста), декодирование (понимание, расшифровка знакового корпуса), когерентность (связность с другими языковыми номинациями), инференция (интерпретация полученного языкового сегмента). Крайние позиции обозначенной иерархии отвечают за становление и конкретизацию смысловой нагрузки дискурса, что наиболее существенно при его экспликации и конкретизации.

Дискурсивное письмо не исходное понятие или структура, это временное становление языка, определение-констатация его новых, контекстных значений. Следует уточнить, что дискурс всецело связан с внетекстовой реальностью, системой метасмыслов, актуальных для автора, «переход к новой единице дискурса, образованной фразой или высказыванием, представляет собой сдвиг, разрыв, мутацию в иерархии уровней» (Рикёр, 2008, с. 137). Создатель текста начально субъективен дискурсу, но приращение дополнительных значений сбивает авторитетную фигуру демиурга в область интерсубъективности, да и «художественный дискурс распадается на частные версии (идиостили), которые в итоге смешиваются в конфликт голосов» (Безруков, 2015а, с. 24). Тем самым достигается эффект постоянного соприсутствия автора, да и текста, процессу становления и развития. Аналитически контекст не должен рассматриваться как явление застывшее, раз и навсегда созданное приложением к тексту, он есть важнейшая составляющая внетекстовых структур. С каждым новым включением текста в текст мировой культуры и литературы происходит генерация новых смыслов, на основе которых корректируются, обобщаются старые значения-представления или происходит их замена на диаметрально противоположные. «При этом фактор субъективности интерпретации не преодолевается, не снимается и не затушевывается, а проблематизируется и становится одним из параметров модели культуры как диалога сформированных культурой сознаний, обменивающихся смыслами с помощью текстов» (Миловидов, 2016, с. 34). Читатель как магистральное звено процесса постижения сути дискурса, его онтологического кода сориентирован на достижение статуса вневходимости относительно всего: «Вневходимость – необходимое условие для сведения к единому формально-эстетическому ценностному контексту различных контекстов...» (Бахтин, 2003, с. 72). Следовательно, достижение читателем статуса вневходимости относительно текста предопределяет и постижение дискурсивной формации как полярного, синтетического явления.

Таким образом, модель когнитивной дескрипции художественного дискурса представляет собой уровневое расслоение-конкретизацию индивидуально-авторского текста в герменевтическом поле культурно-исторических парадигм. Интерпретативные стратегии указанного метода иерархически организуют латентные, сокрытые смыслы, не столь очевидные при буквальном декодировании. Вероятностные способы конкретизации смысла могут векторно иметь реверсивную и фронтальную разверстку эстетической матрицы. Рецепция дискурса в русле когнитивного подхода позволяет сферически представить наличную модель текста, и как следствие, достичь горизонта понимания истинности знака. Позиционное совмещение языка и дискурса дает возможность максимально объективировать коммуникативную составляющую речевой практики, предопределить синтез идей научной конкретизации оценки и анализа реальной действительности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. АРУТЮНОВА, Н.Д., 1988: *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.* М.
2. БАХТИН, М.М., 2003: *Собрание сочинений: в 7-ми т. Т.1. Философская эстетика 1920-х годов.* М.
3. БЕЗРУКОВ, А.Н., 2015а: «Интерсубъективный характер художественного дискурса». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, №10-2(52), pp. 23–26.
4. БЕЗРУКОВ, А.Н., 2015б: *Рецепция художественного текста: функциональный подход.* Вроцлав.
5. ДЕЙК, ван Т.А., 2000: *Язык. Познание. Коммуникация.* Благовещенск.
6. КАРАСИК, В.И., 2004: *Языковой круг: личность, концепты, дискурс.* М.
7. КУБРЯКОВА, Е.С., 2004: *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.* М.
8. МАКАРОВ, М.Л., 2003: *Основы теории дискурса.* М.
9. МИЛОВИДОВ, В.А., 2016: *Семиотика литературно-художественного дискурса.* М.
10. РИКЁР, П., 2008: *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике.* М.
11. СКРЕБЦОВА, Т.Г., 2011: *Когнитивная лингвистика: Курс лекций.* СПб.
12. ХОМСКИЙ, Н., 2005: *Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли.* М.